ПАВИЧ В ТЕБЕ И ВО МНЕ

Московскую книжную ярмарку посетил автор «Хазарского словаря»

Несколько лет назад в Москве появился «Хазарский словарь». Еще мягкообложечный, он мгновенно расходился по рукам и затирался до дыр. Молодые люди дарили своим девушкам женскую версию, в ответ получали мужскую, хотя дарить надо было как раз наоборот. Из-за роковой ошибки то ли воспитания, то ли ментальности мужчины так и не узнали самого главного: почему женщина в первой половине жизни рожает, а во второй убивает и хоронит себя или своих близких, и когда начинается эта вторая половина.

Тема эта, возникнув в «Словаре...», скользила потом элегантным серфом и в «Пейзаже, нарисованном чаем», и во «Внутренней стороне ветра», и, уж конечно, в «Последней любви в Константинополе». Всем просто был по кайфу интерактивный морок невесть откуда взявшейся сербской сказки, пленяла возможность составления собственного паззла из особенно восхитивших пассажей. Одна за другой зачарованно проглатывались книга-словарь, книга-кроссворд, книга-пасьянс. Просили еще.

Структура «Хазарского словаря», написанного до начала компьютерной эры, идеально вписалась в матрицу сознания современного человека. По своей структуре это типичная литургия, нелинейный текст. Проповедник открытой, самоигральной книги, Милорад Павич собрал под свои знамена миллионы людей, воспринимающих мир как компьютерную игру, в которой создана иллюзия бесконечного пространства и произвольного времени. Каждому приятно почувствовать себя творцом: многомерность связей между частями книги, вопросы в одном рассказе и ответы в другом соответствовали представлениям о неоднородности бытия слишком многих. Отличный знаток сербской литературы XVII—XIX веков, собиратель народных загадок и пословиц, Павич подсадил на иглу гортанной распевности сербского языка не одну сотню интеллектуалов.

Внутренняя сторона ветра та, которая остается сухой, когда ветер дует сквозь дождь.
Эпиграф к «Внутренней стороне ветра»

Милорад Павич

При всей гипертекстовости и электронности своего письма Павич до сих пор пишет карандашом или ручкой на всем, что попадется; больше всего любит белые поля журналов и книг и только потом обрабатывает написанное на компьютере. По причине страшной лени работает в кровати. Между всеми своими книгами всегда оставляет открытыми кровеносные каналы сообщения — смысловая и жанровая замкнутость не для него. Любит саундтреки фильмов Кустурицы и Альмодовара и называет их «дывной музычкой». Вечерами играет в режиме он-лайн в компьютерные игры с женой Ясминой или читает вслух. Из современной русской литературы уважает Александра Гениса. С пониманием относится к неудачным попыткам экранизации «Хазарского словаря» — каждый раз высчитывается какой-то несусветный бюджет. И говорит, что только с течением времени начинает понимать, кто он и с моральной, и с аморальной стороны.

На книжной ярмарке за Павичем ходила обезумевшая толпа и хватала самого знатного гипербеллетриста современности за руки. Издательство «Азбука», отличившееся в этом году по части доставки в Москву живых идолов, твердо оттирало кликуш и оглашенных. Довольный теплым приемом, Павич дал интервью в редакции журнала «Иностранная литература»:

«Я сумасшедший. Меня никто никогда не понимал — родственники, друзья. Долго был уверен, что мою прозу никогда не напечатают, я хотел изменить способ чтения, сделать его нелинейным. У Иоанна Златоуста, Григория Богослова учился строить фразу, приятную не для глаза, но для уха. Проповедники всегда должны добиваться внимания слушателя — это также важно для литературы. Но, в общем-то, это такие техники, которым можно обучиться. При условии, конечно, что у вас есть слух.

...Однажды я написал традиционную книгу рассказов. А потом начал подливать воду в вино, поэзию — в прозу, рассказ — в роман и совсем потерял ощущение границы между литературными жанрами. Гиперлитература показывает нам, что роман может развиваться, подобно человеческому сознанию, сразу в нескольких направлениях.

Некий молодой писатель по имени Владимир Пиштолу хотел опубликовать под моим именем рассказ. Мне позвонили из редакции и спросили, можно ли это сделать. «Рассказ-то хороший?» — спросил я. «Хороший». — «Тогда печатайте». После того как рассказ вышел в журнале под моим именем, я напечатал открытое письмо, в котором говорил, что рассказ, опубликованный под моим именем, принадлежит перу третьего человека, Немани Митровичу, и что я понял это по стилю и синтаксису. Это окончательно всех запутало и дико насмешило. Я думаю, что это очень хорошо.

Надеюсь, что читатель полюбит меня через то, что пишу, ведь я пытаюсь апеллировать и к мужскому, и к женскому началу в человеке. Может, вы помните, герой «Пейзажа, нарисованного чаем» оставался жить, если книгу читал мужчина, и оказывался убитым, если книгу читала женщина.

Я не знаю, как это случилось, но моя аудитория — это молодежь. Самые плохие мои читатели — мои ровесники. Они ничего не понимают, путаются, ругаются и плюются. Хотя, наверное, в том, что молодежь хорошо воспринимает экспериментальную литературу, нет ничего удивительного. Да и талантливых читателей во всем мире гораздо больше, чем талантливых писателей или критиков. Пусть каждый сам решает, где роман начнется и закончится. Я только предоставляю возможность выбора.

После выхода книги-пасьянса «Последняя любовь в Константинополе» мы с Ясминой (жена Павича — сербская писательница Ясмина Михайлович. — Е. В.) не брали карты Таро в руки. Роман предсказывает будущее не героев книги, а читателей, а такую возможность все используют по-своему. Есть вещи, которыми не стоит шутить, и есть информация, которую не найдешь в словаре или энциклопедии».

● Екатерина ВАСЕНИНА

Новая газета. — 2001. — 17—19 сент. — с. 21

Павич Милорад

19.9.01.